

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ*

В изучении русско-зарубежных литературных связей накоплен большой и ценный материал. Он сосредоточен в работах М. Алексеева, С. Дурылина, В. Жирмунского, Б. Томашевского и др. Однако до сих пор еще нет монографических исследований, в которых факты литературных взаимодействий были бы сведены в единую систему и рассмотрены как органическая часть мирового и национального литературного процесса.

Книга В. Кулешова в известной мере восполняет этот пробел. Она посвящена важнейшему периоду в развитии русско-зарубежных литературных связей — XIX веку, когда «плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»¹.

В. Кулешов не ограничивается рассмотрением того, как влияли зарубежные писатели на формирование русского романтизма или реализма. Он исследует и обратный процесс, показывая, как русское искусство, особенно творчество Пушкина, в свою очередь оказывало воздействие на литературную жизнь за рубежом, приобретая с каждым десятилетием все большее мировое значение.

Монография В. Кулешова в основном написана на уже известном в науке материале. Автор опирается

прежде всего на факты, содержащиеся в работах его предшественников. Но тем не менее его труд не является компилятивным сочинением. Явления, уже известные, в нем осмыслены по-своему, подчинены единой творческой концепции. В этом главным образом и состоит научная ценность исследования.

В. Кулешов разделяет литературные связи на контактные (перевод, подражание, влияние, заимствование и т. д.) и типологические, которые возникают независимо от контактов писателей друг с другом.

В принципе такая классификация не вызывает возражения. Но при практическом применении она в ряде случаев дает «осечку». В частности, автора можно упрекнуть в известной недооценке роли «типологических схождений» в формировании того или иного художника. По его убеждению, там, где не обнаруживается явных следов воздействия одного произведения на другое, есть основание говорить об отсутствии творческих связей. Поэтому творчество некоторых писателей в монографии рассматривается как «независимое типологическое явление». «В значительной мере без «влияний», — пишет В. Кулешов, — сложилось творчество Гончарова, Лескова, Островского, Л. Толстого, Горького. Но вне литературных связей нельзя понять творчества Пушкина, Лермонтова, раннего Достоевского, поздние символистов, футуристов» (стр. 9).

Получается, что Л. Толстого и Горького «можно понять» и без учета литературного процесса за рубежом. Сомнительность этого положения очевидна. Даже Островский при всей его самобытности немислим без

* В. И. Кулешов, Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина), Изд. МГУ, 1965, 461 стр.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 428.

художественного опыта мировой драматургии (например, испанской драмы, Шекспира и т. д.). Для писателя «действительность» не только общественная жизнь и природа, но и идейно-художественные традиции. Их воздействие происходит «незаметно», но в становлении художника они часто играют большую роль, чем те или иные «заметные» влияния, которые чаще всего проявляются не в методе творчества, а в сходстве тем, мотивов и т. д. Поэтому при изучении литературных связей эта проблема по существу должна находиться в центре внимания. Без ее решения трудно воссоздать картину истории литературы как процесса, определяемого развитием общественной жизни и сложным переплетением литературных взаимодействий.

Конечно, такой аспект исследования невозможен без выяснения того, насколько тот или иной писатель известен за рубежом, какой след он оставил в иностранной литературе и какую оценку получил в критике. Именно этим вопросам прежде всего и посвящена книга В. Кулешова. В ней удачно систематизирован богатейший материал, накопленный наукой в изучении литературных связей. Вместе с тем она является как бы хорошим вступлением к еще не созданному труду о западноевропейском и русском литературном процессе XIX века. В. Кулешов подробно говорит о популяризаторах русской литературы в Западной Европе, дает содержательные характеристики Э. Мещерского, Н. Мельгунова, Варнгагена фон Энзе, К.-Р. Липперта, В. Вольфсона и др. В монографии рассмотрены антологии русских писателей, изданные Баурингом, фон дер Боргом, Сен-Мора, а также иностранные журналы, помещавшие материалы о лите-

ратурной жизни в России («Russische Miscellen», «Revue encyclopedique» и др.), основательно проанализированы курсы по русской литературе Кёнига и Иордана. В книге обстоятельно освещается роль русских критиков и общественных деятелей в развитии русско-зарубежных литературных отношений (П. Вяземский, С. Полторацкий, Я. Толстой, В. Белинский, А. Герцен, И. Тургенев, П. Анненков, В. Боткин и др.).

Интересны разделы, посвященные творческим связям русских и зарубежных писателей. Здесь автор проявляет наибольшую самостоятельность. Им впервые, например, сопоставлены «Письма русского офицера» Ф. Глинки с книгой Ж. де Сталь «Десять лет изгнания», в которой высокие оценки писательницей русского народа, его большой исторической роли совпали с мнениями декабристов. В. Кулешов пишет о значении, которое имели работы де Сталь «О литературе...» и «О Германии» для формирования теории русского романтизма. Ряд новых, интересных штрихов исследователь внес в портрет известного немецкого патриота Э. Арндта, подчеркнув его идейную близость к русским дворянским революционерам. Любопытно в этом плане сравнение «Краткого катехизиса для немецких солдат» Э. Арндта с «Православным катехизисом», написанным С. Муравьевым-Апостолом совместно с М. Бестужевым-Рюминым.

С малоизученной стороны В. Кулешов подошел к освещению вопроса о байронизме Пушкина. Он выделяет важную мысль о том, что еще до знакомства с творчеством английского поэта Пушкин был заражен байроническими настроениями.

В книге дано широкое сопоставление «Капитанской дочки» с произ-

ведениями В. Скотта. Отмечая сходство ее построения с «Уэверли», «Роб Роем» и т. п., В. Кулешов справедливо говорит о глубоком историзме Пушкина, который в своем романе «выдвигал подлинно народного героя и показывал классово-социальную борьбу» (стр. 204).

Обстоятельно разработана в монографии тема «Гофман и Гоголь». Подчеркивая глубокую оригинальность автора «Мертвых душ», его принципиальное отличие от немецкого романтика, В. Кулешов в то же время находит общие черты во взглядах обоих писателей — любовь к «маленькому человеку» и ненависть к «небокопителям». Отсюда выводятся и совпадения в мастерстве: «столкновение у Гофмана идеалов и пошлости не могло не привлечь Гоголя. Он учится у Гофмана искусству гротеска» (стр. 213).

Удачей исследователя можно считать подробное освещение связей А. Шамиссо с Россией, и в частности с Рылеевым. Правда, многое здесь было сделано М. Алексеевым, М. Азадовским и другими учеными. В. Кулешов же, опираясь на достигнутое, сосредоточил внимание на поэме Шамиссо «Ссылные». Он сопоставил ее с «Войнаровским» Рылеева, рассмотрев их не только с идейной, но и с художественной точки зрения.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают всех достоинств работы В. Кулешова. Ценность ее была бы еще выше, если бы в ней были учтены русско-зарубежные эстетические связи. Роль эстетической мысли в развитии литературы в книге не выясняется. Эта проблема автором не ставится, а без нее невозможно нарисовать полной картины литературных взаимодействий. В исследовании заметна еще одна односторонность. Весь материал рассматривается

В. Кулешовым с вышки русского критического реализма, который используется в качестве основного критерия в идейно-художественных оценках. Но эта, в общем-то, здоровая тенденция в некоторых случаях выступает в своих крайних проявлениях.

В. Кулешов относится явно недоброжелательно к «запоздалому» утопическому романтизму. В связи с этим он неоправданно строго оценивает Жорж Санд, которая в его работе обычно терпит поражение в сравнении с Гончаровым и другими русскими реалистами. Кстати сказать, В. Кулешов, видимо, не без умысла обошел молчанием лучший роман Жорж Санд «Орас», где главную роль играют не мечтатели, а герои действия, мужественные революционеры Поль Арсен и Жан Ларавиньер, каких не столь уж много было в русской реалистической литературе первой половины XIX века. Но дело не в «Орасе». Если бы его даже не было, творчество Жорж Санд все равно не потеряло бы своего мирового значения. А с точки зрения В. Кулешова, «прожектерские стороны утопистов никогда не вызывали сочувствия у русских передовых людей. Бессмысленность(!) этих теорий была очевидна не только в условиях России, но и на Западе» (стр. 238).

Это положение антиисторично. Утопический социализм при всех его слабостях был одним из источников марксизма. В. Кулешов забывает также, что Чернышевский, например, советовал читать Жорж Санд своим детям и сам написал утопический роман «Что делать?». Все утопическое и романтическое вызывает отрицательную реакцию В. Кулешова. «На фоне Пушкина» оказывается «далеко не во всем безупречен и Бальзак, сохранивший в своем реализме много романтических черт»

(стр. 179). Белинский, Горький, Фадеев были другого мнения. Силу реалистов XIX века они видели как раз в соединении в их творчестве реалистических и романтических элементов.

Есть в работе В. Кулешова и частные недостатки. Не все русско-зарубежные параллели, проводимые им, кажутся нам убедительными. Не убеждает сравнение Онегина со Сбогаром, где Онегин выглядит чуть ли не как романтический мститель. «Сбогар мстит обществу за обиды, за несправедливость. Этот глубоко земной план роднит Сбогара с героем Пушкина, хотя протест Евгения весьма ограничен» (стр. 187). Встречаются в книге и отдельные неточности. Вероника («Золотой горшок» Гофмана) дочь не Линдгорста, а конректора Паульмана. На той же 220 стр. В. Кулешов утверждает, что «профессор эстетики, педант, с раз-

решения хозяина исправно «штудирующий» в винном погребок, есть в «Принцессе Брамбилле». Это ошибка. У Гофмана «штудирует» в винном погребок не профессор эстетики, а «естествоиспытатель» Моша Терпин, пишущий трактат «о причине несхожести вина с водой», и выведен он не в «Принцессе Брамбилле», а в «Крошке Цахес».

В некоторых случаях В. Кулешов пользуется устаревшим написанием иностранных имен и фамилий. Например (стр. 247), Раудон Краули, Седлей вместо принятого сейчас Родон Кроули, Седли («Ярмарка тщеславия»).

Хорошо, что книга сопровождается библиографией, примечаниями и указателем имен, значительно облегчающим пользование материалом.

Н. ГУЛЯЕВ

г. Казань

СТАРОЕ В НОВОМ*

Девятнадцатый век русской литературы исследован так, что трудно подозревать в нем существование «белых пятен». И все же «белые пятна» есть, и лежат они подчас на виду.

Вот характерный пример: натуральная школа. Это понятие прилагается ко всем крупным писателям 40-х годов: к Герцену и Тургеневу, Гончарову и Достоевскому, Некрасову и Григоровичу. А за «первым рядом» литераторов встают Даль, А. Майков, И. Панаев, Кудрявцев (Неустроев), Галахов, Бутков, — и все это натуральная школа. Если же вспомнить, что к натуральной школе Белинский относил и некоторые про-

изведения Кукольника (Кукольник «одной стороною своего таланта примкнул к так называемой натуральной школе...»), то картина будет выглядеть еще пестрее.

Более ста лет существует понятие *натуральная школа*, переходя из одной работы в другую. Но до сих пор еще не было обобщающего исследования (я не говорю о характеристиках натуральной школы в монографиях о Гоголе, Герцене, Достоевском и т. д.), специально посвященного этому явлению. (Уже после выхода рецензируемой работы появились книги А. Цейтлина «Становление реализма в русской литературе» и В. Кулешова «Натуральная школа в русской литературе XIX века», в которых освещаются эти проблемы.)

* Д. В. Чалый, Реализм русской литературы (40-е годы XIX века), «Наукова думка», Киев, 1964, 284 стр.